

Пинчуань произнес низким, сдержанным голосом:

— О том, что произошло отравление, я узнал только что. Сейчас важнее всего сохранить всё в тайне, чтобы другие племена не воспользовались нашей слабостью.

Дуглаз подошел к Пинчуаню ближе и, уставившись на него единственным мутным глазом, прорычал:

— По-моему, ты просто выгораживаешь себя! Господин Цинчжу! Это всё он! Я уверен, что и этот чужак-самец, который вечно крутится рядом с ним, тоже замешан в этом деле!

Уголок рта Цинчжу дернулся, и он произнес:

— Пинчуань, происхождение Юй Иня туманно, я не могу ему доверять.

Пинчуань шагнул вперед, без тени страха встречая взгляд Дуглаза:

— Юй Инь к этому не причастен.

Их взгляды скрестились. Давление, исходящее от представителя племени Тигров, заставило Дуглаза с трудом переводить дыхание. Отступив на несколько шагов, он прошипел:

— В моем племени Красного леса никогда не видели самцов с чисто черными глазами. Уверен, он носит в себе смертельный яд.

Юй Инь, до этого молча наблюдавший за перепалкой, слегка приподнял уголок губ, словно услышал нелепую шутку.

— Дуглаз, обвинять кого-то в том, что он носит в себе яд, прямо в присутствии заместителя вождя Цинчжу — это, по меньшей мере, неубедительно.

Юй Инь обладал тонкими, почти женственными чертами лица, и когда он улыбался, присутствующие самцы на мгновение теряли дар речи. Его глубокие черные глаза, изогнутые в полумесяцы, выглядели настолько безобидно, что подозревать его в чем-то казалось кощунством.

Цинчжу, чьей истинной формой была белогубая куфия, решил вступить:

— Если бы яд подбросили люди из племени Змей, зачем тогда Цинье тратить столько сил на создание противоядия?

Присутствующие закивали в знак согласия.

— Верно. Хотя господин Цинье и принадлежит к роду куфий, он всегда был милосердным врачом.

— Мы верим господину Цинье.

— Среди змей тоже есть отравленные, они не стали бы вредить своим же.

Юй Инь потер подбородок и покачал головой:

— Я тоже не верю, что кто-то стал бы заниматься такой бессмысленной работой — сначала травить, а потом лечить. Но если я смогу их вылечить, докажет ли это мою и Пинчуаня невиновность?

В прошлый раз, когда Юй Инь поранился об острый мех тигра, он попросил Пинчуаня отвести его в горы за травами, и сейчас эти знания оказались как нельзя кстати. Изучив симптомы Ле Яня, он понял, что это обычное отравление из-за чрезмерного употребления плодов кротона.

Дуглаз презрительно усмехнулся:

— Ты? Справишься?

— Я готов стать подопытным для Юй Иня.

Бледнолицый Ле Янь, вернувшийся обратно, по-видимому, разобравшись в ситуации, схватился за живот и поднял руку в знак поддержки:

— Я верю Юй Иню.

Юй Инь кивнул ему в знак благодарности, затем хлопнул Пинчуаня по плечу и тихо произнес:

— Под кроватью есть деревянный ящик, сходи домой и принеси его.

Пинчуань нахмурился:

— Я не хочу оставлять тебя здесь одного. Пойдем со мной, они не смогут меня удержать.

Дуглаз рывкнул:

— Пытаешься сбежать?

Юй Инь приподнял бровь, глядя на Дуглаза так, будто перед ним был покойник:

— Заткнись.

Затем он снова слегка похлопал Пинчуаня по руке:

— Не волнуйся, я знаю, что делаю. Возвращайся скорее.

Поскольку врачеватели были редкостью и передавали знания лишь своим ученикам, Цинчжу совершенно не верил, что Юй Инь разбирается в медицине, полагая, что тот лишь тянет время.

Он с деланной щедростью позволил Пинчуаню уйти за противоядием — ему не терпелось посмотреть, какой спектакль устроит Юй Инь.

Когда Пинчуань ушел, аура Юй Иня изменилась: он больше не сдерживал ту скрытую ярость, которую до этого подавлял в присутствии Пинчуаня.

— Гаошань, будь добр, подготовь чистую воду и поставь ее кипятиться на костре.

Ле Янь жестом приказал младшему брату сделать так, как просил Юй Инь. Он чувствовал, что Юй Инь сейчас стал совсем другим — исходящая от него жажда убийства не уступала любому из прославленных воинов.

На самом деле Юй Инь был крайне раздражен. Его грандиозные планы еще даже не начали воплощаться в жизнь, а его уже успели довести до тошноты эти животные. В стране А он был известен под кодовым именем Мягкий Убийца — он был самым опасным «государственным оружием», одинаково мастерски владеющим как искусством прямого боя, так и хитроумными интригами. Еще никогда он не чувствовал себя настолько униженным.

Пинчуань беспокоился о Юй Ине, поэтому, не дожидаясь, пока вода закипит, вернулся с большим ящиком в руках. Снежинки осели на его бровях и висках, добавив холодной суровости его обычно открытому и доброму взгляду.

Он ловко поставил ящик у ног Юй Иня. Юй Инь наклонился, чтобы смахнуть с его бровей еще не успевший растаять снег:

— На улице пошел снег?

Пинчуань перехватил его руку и поднялся на ноги:

— Да. Когда пойдем обратно, покажу тебе снегопад.

У тигров горячая кровь. Даже после прогулки по ледяному бурану ладони Пинчуаня оставались теплыми, в то время как у Юй Иня, который почти не двигался, руки были ледяными, а губы — бледными. Пинчуань почувствовал, как сжалось сердце: ему хотелось поскорее забрать своего маленького самца, укутать в постель и напоить большой миской мясного бульона, чтобы тот согрелся.

<http://bllate.org/book/18875/1842867>